

М. М. Холод

(Санкт-Петербургский государственный университет)

К ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЛАТОНИКОВ В IV В. ДО Н. Э.

В настоящей статье оцениваются с точки зрения исторической достоверности два пассажа – Плутарха (*Adv. Colot.* 32. 1126d) и Флавия Филострата (*Vitae soph.* 485–486), в которых фигурируют соответственно Делий и Диас. Первый из них, как постулируется, оказал особое влияние в вопросе войны против Персии на Александра Великого, а второй – на Филиппа II. Автор доказывает, что, в отличие от рассказа Филострата, сообщение Плутарха может быть вполне признано, хотя и не без оговорок, достоверным.

Ключевые слова: Плутарх, Флавий Филострат, Филипп II, Александр Великий, греческие города Малой Азии.

М. М. Kholod

(St. Petersburg State University)

On the Political Activity of the Platonists in the Fourth Century BC

In the present paper, the author evaluates from the point of view of historical credibility two passages, that of Plutarch (*Adv. Colot.* 32. 1126d) and that of Flavius Philostratus (*Vitae soph.* 485–486), where respectively Delius and Dias appear. The first of the persons, as is claimed, especially influenced Alexander the Great and the second did Philip II in the matter of the war against Persia. The author argues that in contrast to Philostratus' report, Plutarch's account can well be accepted, albeit not without reservations, as credible.

Key words: Plutarch, Flavius Philostratus, Philip II, Alexander the Great, Greek cities in Asia Minor.

И Плутарх, и Флавий Филострат сообщают – каждый в отдельном пассаже – об особом влиянии выходцев из Академии, эфесцев, на решения македонских царей выступить в поход против Персидской державы. Помимо иных деталей, данные сообщения отличаются друг от друга еще и тем, что у Плутарха таким представителем Академии назван Делий, а у Филострата – Диас, тогда как македонским монархом в первом случае выступает Александр Великий, а во втором – Филипп II. Пассажи эти следующие:

Plut. *Adv. Colot.* 32. 1126d:

ὁ δὲ πεμφθεὶς πρὸς Ἀλέξανδρον ὑπὸ τῶν ἐν Ἀσία κατοικοῦντων Ἑλλήνων καὶ μά λιστα διακαύσας καὶ παροξύνας

ἄψασθαι τοῦ πρὸς τοὺς βαρβάρους πολέμου Δήλιος ἦν Ἐφέσιος, ἔτα ἱeros Πλάτωνος.

‘А посланным к Александру эллинами, обитающими в Азии, и особенно распалившим его и побудившим взяться за войну против варваров был Делий Эфесский, друг Платона’.

Philostr. *Vitae soph.* 485–486:

Δίας δὲ ὁ Ἐφέσιος τὸ μὲν πείσμα τῆς ἑαυτοῦ φιλοσοφίας ἐξ Ἀκαδημίας ἐβέβλητο, σοφιστῆς δὲ ἐνομίσθη διὰ τόδε: τὸν Φίλιππον ὀρῶν χαλεπὸν ὄντα τοῖς Ἑλλησιν ἐπὶ τὴν Ἀσίαν στρατεύειν ἔπεισε, καὶ πρὸς τοὺς Ἑλληνας διεξῆλθε λέγων, ὡς δέον ἀκολουθεῖν στρατεύοντι, καλὸν γὰρ εἶναι καὶ τὸ ἕξω δουλεύειν ἐπὶ τῷ οἴκῳ ἐλευθεροῦσθαι.

‘И Диас Эфесский забросил причальный канат для своей философии из Академии, софистом же его признали по такой причине: видя, что Филипп тягостен эллинам, он убедил его выступить походом в Азию, а для эллинов обстоятельно выразил ту мысль, что следовать за идущим в поход необходимо, ибо прекрасно быть рабом на чужбине ради того, чтобы получить свободу на родине’.

Ниже, в настоящем очерке, мы намерены оценить эти пассажи с точки зрения исторической достоверности.

Начнем с того, что, кроме тех сведений, которые в них содержатся, мы больше ничего не знаем ни о Делии, ни о Диасе, и этот факт, как кажется, дает нам веское основание полагать, что их известность – если, конечно, и тот и другой действительно существовали (см. ниже) – была в свое время довольно скромной. И уже поэтому представляется крайне маловероятным то повторяющееся в обоих пассажах утверждение, что именно подобные лица стали вдохновителями решений македонских царей о походе против Персии. Но главным в данной связи является все-таки другое. Совершенно очевидно, что повлиять на принятие македонскими царями решений такого рода вообще никто был не в состоянии, даже – в случае с Филиппом – Исократ. Нет сомнения в том, что как решение Филиппа о начале войны против Персии, так и решение Александра о ее продолжении были их полностью независимыми решениями (Frolov 2001: 522–527; ср.: Markle 1976: 80–89; Isaeva 1994: 165–173).

Из этого, однако, вовсе не следует, что македонские цари не могли контактировать, даже непосредственно встречаться с интеллектуалами-греками и обсуждать с ними в том числе вопрос о войне с Персией, – вопрос, приобретший тогда, особенно

благодаря Исократу, большую популярность в их среде, да и в греческом обществе в целом (письма того же Исократу Филиппу – самое известное подтверждение такого рода контактов). Поэтому общение Филиппа и Александра с людьми, подобными Диасу и Делию, в принципе не выглядит как нечто невероятное. И все же в нашем случае, думается, не стоит говорить как о достоверных об обоих этих эпизодах. В самом деле, при сравнении вышеприведенных пассажей друг с другом в глаза бросается ряд параллелей, которые, как кажется, не случайны, но заставляют считать, что Плутарх и Филострат сообщают не о двух разных событиях, а об одном: кроме того, что, как постулируется, и Диас, и Делий убеждают македонских монархов начать войну против Персии, оба они – платоники, оба – эфесцы, к тому же их имена имеют известное сходство (они сравнительно короткие и начинаются на одну и ту же букву) (ср.: Natorp 1901: 2446; Berve 1926: 131. № 251; Trampedach 1994: 101; Benevich, Vetushko-Kalevich, Kladova 2017: 67. п. 30). И если это правда, то закономерен вопрос: какой тогда пассаж из двух следует признать отражающим действительно случившееся событие?

На наш взгляд, предпочтение в данном случае должно быть отдано сообщению Плутарха. Наряду с тем фактом, что по сравнению с Филостратом Плутарх вообще гораздо более надежен при передаче исторических сведений (хотя он подчас и допускает неточности), примечательно еще и следующее. Диас Филострата с его продвижением идеи о необходимости войны против персов, чтобы греки были свободны у себя на родине, по сути дела, следует полностью в русле панэллинской программы Исократу. Причем весьма интересно, что далее, уже в рассказе об Исократе, Филострат совершенно не упоминает об его усилиях по привлечению Филиппа к организации такого военного предприятия (*Vitae soph.* 503–506). Принимая данный факт во внимание, стоит тогда задаться вопросом: а не перенесли Филострат подобную деятельность Исократу ошибочно на Диаса, зная из своего источника, что Диас общался по поводу войны против Персии с македонским царем? И если так, тогда, кстати, становится понятным, почему этот македонский царь превратился у Филострата именно в Филиппа. Как бы то ни было, очевидно, что все это отнюдь не способствует тому, чтобы относиться к данному рассказу Филострата с доверием. Наконец, отметим, что в то время как Филострат ограничивается в своем сообщении лишь общей исторической информацией,

которая служит у него не более чем обрамлением описываемой им софистической позиции Диаса, пассаж Плутарха содержит больше конкретных деталей. Мало того, благодаря таким деталям сообщение Плутарха может быть поставлено в более специфический исторический контекст, чем рассказ Филострата, и это, стоит полагать, также говорит в пользу его предпочтительности (ср.: Trampedach 1994: 101).

И правда, слова Плутарха о том, что Делий был «посланным к Александру эллинами, обитающими в Азии», свидетельствуют о его связи с малоазийскими греческими городами, а если при этом учесть указание херонейца на эфесское происхождение Делия (подтвержденное и Филостратом для Диаса), то можно предположить, что его деятельность тогда разворачивалась прежде всего в Эфесе. В свою очередь, исходя из сообщения Плутарха, получается, что встреча Делия с Александром должна была произойти до выступления македонского царя в поход против Персии, т. е. между октябрем 336 г., когда он взойшел на трон (об этой дате см. особенно: Hatzopoulos 1982: 21–42), и весной 334 г. до н. э.¹ Поэтому ясно, что описанную Плутархом миссию Делия к Александру нужно рассматривать в контексте событий, имевших место в греческих городах западной Малой Азии и, в частности, в Эфесе в данный период.

Напомним, что эти события были связаны с военными действиями, ведшимися на западе Малой Азии, начиная с весны 336 г., македонским экспедиционным корпусом – авангардом армии, которая под командованием Филиппа должна была вторгнуться в пределы Персидской державы спустя некоторое время. И хотя подобным планам Филиппа, как известно, не суждено было сбыться, македонский авангард не был отозван назад новым царем Александром, а продолжал оставаться в Малой Азии вплоть до появления в ней последнего в 334 г.

В первый год кампании успехи македонского экспедиционного корпуса оказались значительными: под контроль македонян попали если не все, то, во всяком случае, большинство греческих городов малоазийского побережья где-то от Кизика на севере до Эфеса или даже до Магнесии-на-Меандре на юге. О том, что происходило как тогда, так и в следующем году в Эфесе, можно судить из сообщения Арриана (*Anab.* I. 17. 9–12). Отсюда мы узнаем, что переход города на македонскую сторону сопровождался свержением в нем народом власти про-

---

¹ Ниже все даты до н. э.

персидски настроенных олигархов и утверждением демократического правления. Погиб ли упоминаемый Аррианом Геропиф, один из лидеров эфесских демократов, в этих столкновениях или умер вскоре, непонятно. Как бы то ни было, известно, что он был похоронен победившей демократической группировкой на агоре, и ему, возможно, даже воздавались почести как герою. Кроме того, в знаменитом храме Артемиды эфесские демократы поставили статую Филиппа, что, как представляется, было знаком благодарности новой местной власти македонскому монарху за некую помощь в осуществлении переворота и вместе с тем попыткой заручиться его расположением в будущем. Однако в 335 г. ситуация на западном побережье Малой Азии решительным образом изменилась. Персы перешли здесь в успешное контрнаступление, в результате чего к концу кампании этого года все ранее подконтрольные македонянам малоазийские греческие общины, за исключением Абидоса (и, может быть, Ретия), были снова возвращены под власть Великого царя и в них опять утвердились проперсидские олигархические и тиранические режимы. Из того же рассказа Арриана (см. выше) мы узнаем, что Эфес в тот момент сдался Мемнону, известному полководцу-родосцу на персидской службе, который разместил в нем гарнизон и способствовал установлению в городе олигархического правления Сирфака и его семьи. Пришедшие к власти олигархи тотчас ограбили храм Артемиды, заодно сбросив стоявшую в нем статую Филиппа, осквернили могилу Геропифа на агоре, а также подвергли репрессиям промакедонски настроенных демократов, изгнав их из города и, возможно, кого-то казнив (обо всех этих событиях подробно см.: Kholod 2018: 407–446; к тому же по поводу статуи Филиппа в Артемисии: Kholod 2016: 497. n. 7).

Не исключено, что, когда Делий встречался с Александром, он принадлежал как раз к числу этих эфесских изгнанников. Действительно, совершенно невероятно, чтобы Делий был официально делегирован к Александру малоазийскими греками в целом, как это следует из сообщения Плутарха, ибо говорить о какой-то совместной их деятельности в данное время не приходится. Вполне возможно, что Делий выступал тогда или по собственной инициативе, или, более правдоподобно, от лица промакедонски настроенных сограждан, выставляя себя при этом в роли выразителя настроений всего греческого населения Малой Азии. Нас не должно смущать, что в таком случае Делий должен был действовать как сторонник демократии, т. е. формы

правления, к которой ученику Платона, казалось бы, не пристало относиться с большим расположением, по крайней мере, активно ее поддерживать (ср.: Plato *Resp.* 557a–558c; подробнее: Santas 2007: 70–89; Marshall 2009: 93–105; Topaloğlu 2014: 73–83). И правда, думается, что дело тут заключалось не столько в абстрактных симпатиях или антипатиях Делия к какой-то форме правления, сколько в категорическом неприятии им, в том числе и как выходцем из Академии, господства варваров над греками (ср.: Plato *Resp.* 469b–c; 470c–d; 471b), а конкретно – персов над греческими общинами Малой Азии, включая Эфес. На наш взгляд, уже поэтому Делий мог примкнуть к эфесским демократам – к той политической силе в его родном городе, которая была настроена решительно антиперсидски. С другой стороны, в данной связи, как кажется, нужно учитывать и еще одно обстоятельство. Дело в том, что среди представителей и выходцев из Академии следует различать собственно философов (таких, как Спевсипп, Ксенократ, Аристотель) и тех, кто, подобно ученикам Исократу, присоединился к школе Платона главным образом в целях усовершенствования своего образования. И когда эти последние, т.е. представители, так сказать, внешнего круга Академии, возвращались к себе на родину, они вполне могли включаться там в политическую жизнь, действуя не как платоники, а прежде всего как члены местных влиятельных семей, и потому поддерживать, если это было необходимо, и демократию. Именно так поступали, например, Леон Византийский и Эвфрей Орейский, ставшие в своих общинах политиками демократической ориентации (Trampedach 1994: 93–100); именно таким мог быть и случай Делия.

Если Делий действительно прибыл к Александру, уже будучи изгнанником, то их встреча должна была произойти где-то зимой 335/4 или ранней весной 334 г. Но также допустимо, что этот его визит имел место раньше – либо в конце 336 г., когда после гибели Филиппа демократы Эфеса, от лица которых Делий в подобном случае мог выступать, должны были опасаться того, что молодой царь отложит или вообще откажется от войны с Персией (ср.: Berve 1926: 131. № 251; Bosworth 1980: 131; Trampedach 1994: 101; Flower 2000: 107. n. 50; Heckel 2006: 106), либо осенью 335 г., когда из-за поражений войск македонского авангарда в Малой Азии над эфесской демократией нависла угроза падения. Как бы то ни было, стоит полагать, что приезд Делия к Александру имел в виду решение с помощью последнего прежде всего эфесских

дел, а точнее судьбы здешнего промакедонского демократического режима – его поддержки, если он еще существовал на момент встречи, либо его реставрации в дальнейшем, если он уже был свергнут. Впрочем, одновременно с этим Делий вполне мог выразить и общий на тот момент пункт в чаяниях значительной части малоазийских греков – скорейшее их освобождение Александром, гегемоном Общеэллинского союза, от позорного господства варваров-персов, что, позволим себе предположить, и нашло искривленное отражение в словах Плутарха о делегировании Делия к македонскому монарху этими греками в целом.

Подведем итог. Произведенная выше оценка пассажей Плутарха и Филострата с исторической точки зрения, как представляется, позволяет говорить о том, что, несмотря на кажущееся на первый взгляд различие между ними, они сообщают об одном и том же событии. При этом предпочтение, по нашему мнению, следует отдать пассажи Плутарха как отразившему данное событие более корректно (правда, и не полностью точно). Таким образом, нет нужды соглашаться с теми учеными, которые высказывают сомнения на счет достоверности этого сообщения Плутарха в целом (Gehrke 1985: 59, n. 22; Brunt 1993: 291). Напротив, стоит считать, что оно является дополнительным ценным свидетельством, которое при должном к нему критическом отношении дает нам возможность лучше понять происходившее в греческих городах Малой Азии и особенно в Эфесе накануне восточной кампании Александра.

Литература

- Benevich, F. G., Vetushko-Kalevich, A. A., Kladova, A. A. 2017: Kommentariy [Commentary]. In: E. G. Rabinovich (ed.). Flaviy Filostrat [Flavius Philostratus]. *Zhizni sofistov [The Lives of the Sophists]*. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo.
- Беневич, Ф. Г., Ветушко-Калевич, А. А., Кладова, А. А. 2017: Комментарий. В: Флавий Филострат. *Жизни софистов*. Изд. подг. под общ. рук-вом Е. Г. Рабинович. М.: Университет Дмитрия Пожарского.
- Berve, H. 1926: *Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage*. Vol. 2. Munich: Beck.
- Bosworth, A. B. 1980: *A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander*. Vol. 1. Oxford: Clarendon Press.
- Brunt, P. A. 1993: *Studies in Greek History and Thought*. Oxford: Clarendon Press.

- Flower, M. 2000: Alexander the Great and Panhellenism. In: A. B. Bosworth, E. J. Baynham (eds.). *Alexander the Great in Fact and Fiction*. Oxford: University Press, 96–135.
- Frolov, E. D. 2001: *Gretsiya v epokhu pozdney klassiki* [*Greece in the Late Classical Age (Society. Person. Power)*]. St. Petersburg: Izdatel'skiy Tsentr «Gumanitarnaya Akademiya».
- Фролов, Э. Д. 2001: *Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть)*. СПб.: Издательский Центр «Гуманитарная Академия».
- Gehrke, H.-J. 1985: *Stasis. Untersuchungen zu den inneren Kriegen in den griechischen Staaten des 5. und 4. Jahrhunderts v. Chr.* Munich: Beck.
- Hatzopoulos, M. B. 1982: The Oleveni Inscription and the Dates of Philip II's Reign. In: W. L. Adams, E. N. Borza (eds.). *Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage*. Lanham: University Press of America, 21–42.
- Heckel, W. 2006: *Who's Who in the Age of Alexander the Great. Prosopography of Alexander's Empire*. Oxford: Blackwell.
- Isaeva, V. I. 1994: *Antichnaya Gretsiya v zerkale ritoriki. Isokrat* [*Ancient Greece in the Mirror of Rhetoric. Isocrates*]. Moscow: Nauka.
- Исаева, В. И. 1994: *Античная Греция в зеркале риторики. Исократ*. М.: Наука.
- Kholod, M. M. 2016: The Cults of Alexander the Great in the Greek Cities of Asia Minor. *Klio. Beiträge zur Alten Geschichte* 98.2, 495–525.
- Kholod, M. M. 2018: The Macedonian Expeditionary Corps in Asia Minor (336–335 BC). *Klio. Beiträge zur Alten Geschichte* 100.2, 407–446.
- Markle, M., Minor, III 1976: Support of Athenian Intellectuals for Philip: A Study of Isocrates' Philippus and Speusippus' Letter to Philip. *Journal of Hellenic Studies* 96, 80–99.
- Marshall, M. 2009: Democracy in Plato's Republic. *Southwest Philosophy Review* 25.1, 93–105.
- Natorp, P. 1901: Delios. In: *Pauly's Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung*. Vol. 4, 2446.
- Santas, G. 2007: Plato's Criticisms of Democracy in the Republic. In: D. Keyt, F. D. Miller, Jr. (eds.). *Freedom, Reason, and the Polis: Essays in Ancient Greek Political Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press, 70–89.
- Topaloğlu, A. 2014: The Politics of Plato and His Objection to Democracy. *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska* 21.1, 73–83.
- Trampedach, K. 1994: *Platon, die Akademie und die Zeitgenössische Politik*. Stuttgart: Franz Steiner.